

Рассказы снайпера Ворсина

Из архива В.П. Зиновьева

От редакции

Вниманию читателей альманаха предлагаются устные рассказы из архива известного сибирского фольклориста В.П. Зиновьева, опубликованные в недавно вышедшей книге «Народные рассказы о Великой Отечественной войне и послевоенном времени». Сборник содержит более 300 текстов, записанных от старожилов Забайкалья и Прибайкалья в период с 1974 года по первое десятилетие нынешнего века. После ухода В.П. Зиновьева из жизни (1983 г.) архив продолжал пополняться материалами, собранными его ученицами М.Р. Соловьёвой и Н.Л. Новиковой. Благодаря собирателям мы имеем бесценные повествования прямых очевидцев и участников трагических событий прошлого века: фронтовиков, сумевших выжить и дойти до победы, мирных жителей, перенёсших страшные мучения оккупации, угона в Германию и концлагерей; женщин, стариков и детей, которые в невероятных условиях голода и холода тыла сумели выстоять и обеспечить победу.

Представленные здесь рассказы записаны студентами ИГУ Порошиной А., Соловьёвой М. от фронтовика Ворсина Афанасия Васильевича 1907 г.р. в с. Кактолга Сретенского района Читинской области в 1977 году во время фольклорной экспедиции под руководством В.П. Зиновьева.

«ТАМ Я ИЗУЧИЛ СНАЙПЕРСКУ ВИНТОВКУ»

Тут в 1937 – 1938 годах репрессия была. Часть мужиков тут садили. В том числе и я попадал. Тоже пять лет там почти отбыл по этой репрессии. Вот война меня застала там вот.

Я в Чите вот это прохлаждался, с Читы взяли меня на фронт. Везли нас отседа сначала просто (нас не обмундировали) как пополнение. То бывало так, что части формируют на месте, тогда везут. А тут мы шли как пополнение <...> на фронт, туда сразу. Там мы ещё переподготовку прошли. Там я изучил снайперску винтовку. При первой стрельбе, отлично выполнишь когда, ну, значит, можешь снайпером быть. Курсы маленькие были, десятидневные всего. В общем, познакомили с оптикой. Ну вот, на фронт пришёл туда, а там снайперских-то винтовок нету. И сразу попал тоже вот это – в разведку. Там вот, когда выстрелишь, новеньких нас спрашивают:

– Кто из вас может с автоматом обращаться? – нас трое подняли руки. – Ну, выйти из строя!

Всё. И нас в разведку. Как раз разведка боем шла. <...> Мы не в самой группе захвата были, а в группе прикрытия. <...> Тут меня немного подранило тоже тогда. Автоматной пулей немецкой. Вот эту ногу вот так пробил вот. Ну там немного я в госпитале, не в госпитале, а в санчасти, в санбате там вот побыл. И потом в свою часть прибыл.

«ЗАДАНИЕ ВАШЕ ВЫПОЛНИЛИ, СНАЙПЕРА УБРАЛИ»

Вот потом это... в 1942 году снайперской винтовки нету. Но так я с обычной – у меня винтовка была. Это где-то в июне, в июле месяце. В подробности – я где-то в тетрадке, у меня точная дата есть. Ну вот, стоял вот, потом разоблачил: на нейтральной полосе за кустиком – человек. А чё его выдало-то? У его оптика. Он когда сюда заглядывал, а солнце-то отседова было, у его это блестит. Ага! Я пригляделся: кто-то блестит и...– неладно. Потом разобрался – человек. Вот это был мой первый [немец. – Собир.] И вот, снайпер это. Ну я его тут выстрелил. Чё-то там расстояние не так большое было – 300, может быть, 350 метров до него было. И он на месте закрутился и свалился. Потом позвали политрука. <...> Разглядели – действительно человек убитый. Ну назавтра уже его не было, убрали. <...>

Вот я начинал это – снайперить. А снайперской винтовки не было.

Потом одно время с ихой стороны в наши траншеи бьёт и бьёт. За день два-три человека убивает. Прямо в траншее убивает, и всё. Откуда-ва, чё? И никак мы не можем разоблачить его. Потом уж нас командир

полка вызвал прямо к себе: этих двух снайперов и меня в том числе. И вот, дал задание. Отругал нас как следует, что мы не можем – люди-то теряются, убиваются, а мы его не можем разоблачить.

Ну потом я чё же? У меня с этой снайперской мало было опыту-то. Ну я всё-таки опытный охотник, опеть. Я имя говорю: «Так, ребята, давайте сёдни утром раньше. Нам надо его...» А там перелесочек был и куча сосён стояла. Он с этих сосён. И ни в какую – там днём ничего не разглядишь. Утром когда мы его скараулили, когда он пополз к этим соснам. Переоделся, на ём был белый халат, пока он полз по снегу-то. Потом переоделся под цвет – сбросил с себя за соснам-то всё это. Ну тут уж всё – его точно распределили. Определили, что тут это снайпер. Кокúшка назывались. <...> Потом всё это дело-то разглядели: он это сбросил, остался в сером халате, маскхалат – под цвет этих сосён. И потом полез. Мы разглядели только, что там у него лестница из верёвки. Забрался – там у него настил. <...> Вот он когда там устроился, я взял у одного парня снайперскую винтовку, у напарника, и выстрелил. Он оттудова сразу комком.

А то вот это чё же? Он там сверху в наших траншеях вот так вот [показывает. – Собир.] зигзаги, он тут успевал, убивал людей. Ну и вот, его убили. Опять позвали тут командира роты. Он посмотрел: правда, лежит у сосен-то. <...> А назавтра оне его убрали. И всё: в наших траншеях потом спокойно стало. Сходили, командиру полка доложили, что задание ваше выполнили, снайпера убрали.

«ПОВСТРЕЧАЛИСЬ И ОБА ЗАПЛАКАЛИ»

Немцы для наших снайперов: где зачуют, ничего не жалели, никакого огня. Если узнают, что тут снайпер стреляет, тут и артиллерийский огонь, тут и миномётный налёт. Много наших неопытных снайперов погибло. Без всякой выдержки, где его разоблачат, сейчас накроют артиллерийским огнём, миномётным накрывают.

И со мной был один такой случáй. Меня накрывали. Когда я был один в роте, вместо наблюдателя снайпер, весь день там. Ну я по траншее несколько огневых точек наделал и стрелял. А у меня был один блиндажик, окопчик такой. Крытый сверху землёй, потом брёвна, потом закрытый. И там были только две маленькие амбразурки, щель. Я оттуда и стрелял, огонь вёл по сторонам. А из этого – только отдохнуть зайдёшь, понаблюдать – и больше ничего. И вот они под вечер, когда солнце было оттудова, с запада, они разоблачили мой этот блиндажик. А я как раз был в нём. А амбразурки-то они всё равно оттуда-то в стереотрубу и в бинокль разоблачили. И налёт на него. Сначала-то чего это? Ни одна не долетела, другая перелетела, ну я тогда сообразил, что они сейчас на меня... И я подался. Только, наверно, метров тридцать я отбежал, и они из всех миномётов, несколько

батарей, наверно, обрушили на этот мой блиндажик, на мой окопчик. Всё перепахали. А я, наверно, метров сто и отбежал в сторону по этой траншее. И там вот наблюдал, как они по мне били. Всё перерыли. Это, наверно, полчаса, больше... Всё перепахали. Ничего не осталось. Ни траншеи моей, ни блиндажика – снегом всё это перепахали.

Ни и что тут? Потом, когда всё это пристемнело, командир роты, Сафонов был это, которого со мной били, ну он думал что: всё, Ворсина там убили, готово. Ну я пополз потом, когда поздно стало. Пристемнялось, немцы не стали стрелять, темно уж! Я пополз. И командир роты от своей землянки ползёт. И вот мы с ём тут и повстречались. Повстречались и оба заплакали.

«МНЕ ПОСТАВИЛИ ЗАДАЧУ ЕГО УБРАТЬ»

В 1943-м была какая-то метель. И немецкий снайпер тоже бил и бил, бил и бил. Ну, уже в наши траншеи – два-три человека, два-три человека. Мне поставили задачу его убрать. Вот я его... как его разоблачить? Я не стрелял, не стрелял, только караулил, чтобы он меня нигде не обнаружил. Не стрелял, мне нужен был этот снайпер. Вот я его сутки прокараулил – нету. Днём всё это. С темна до темна. Назавтра прокараулил. И вот только на третий день я его скараулил. Когда это замело, он где это в окопчике сидел – ему же вылезти надо. К вечеру... Потёмки это дело... Вот он сначала начал только немножко выглядывать оттуда, а я его засёк, где это. Сейчас, думаю, ты всё равно от меня не уйдёшь. Потом он побольше стал – не терпится ему, как-то надо уходить. А как он уйдёт? Потом, когда он по грудь <...> – и вот я в него и выстрелил. Тут он так на снегу – и всё!

После того у нас никаких потерь не стало.

И так бывало, что тренировка снайперу нужна. Стрелять прежде чем научиться, это оптику изучить. Научиться стрелять – надо большую тренировку, надо много пострелять. Были такие случаи, что вот мы с этим Кварталовым жаворонка в лету убивали. Или, скажем, на семьдесят, на сто метров ставили гильзу пустую стоя – вот её снимали. Только надо тренировку.

«ИМ ЛИШЬ ТОЛЬКО СЧЁТ ВЕСТИ»

Ну, потом тут ещё осенью приезжали эти снайперы. С Москвы, с НКВД, из войск НКВД. Вот я с ними ходил. Ну те вот, в общем, были жулики. Ходили они, нигде не убивали, а им лишь только счёт вести. Потом политрук меня вызвал и говорит: «Ну, Ворсин, твоё дело с имьям сходить. Невероятно, чтобы оне столько людей били. Потому что так это... – метров 700 до этой траншеи, до немецкой, да тут никаких хож-

дениев, ничего нету – это оне просто лгут». А один сначала сходил туда с ними, тоже туда же: на их удочку поддался, тоже принёс отсюда, что троих убил. Он из нашей же роты. Потом он говорит: «Ты, Ворсин, давай. Я надеюсь на тебя, ты не подведёшь, ты сибиряк. <...> Ведь немец-то: нам надо, нам придётся их выгонять, а ведь оне убиты-то – все живы!».

Я пошёл. Вот оне стреляют, стреляют, потом: «Смотри, вот немец!» Выстрелит. Где? А я же не видел, говорю: «А я не видел». А им надо чё: чтобы я подписал справку, что оне действительно убили. Я им ни одной не подписал. Потом их скоро оттуда от нас убрали. А оне – кто по двадцать, кто по тридцать вот себе на счёт записали. <...>

А потом ещё один снайпер ходил. Ну вот, подошёл ко мне – я как раз наблюдателем был – дескать, подпиши мне справку. Это для того, чтобы записать человека, надо какого-то свидетеля. Ещё самому-то себе не верят, надо какого-то свидетеля. Я говорю:

– А где немец-то твой убитый?

– Дак вот я там убил.

– Ну дак там пушай и лежит, где ты его убил. А я тебе никакой справки не дам.

[Смеётся. – Собир.] Вот такие были...

«НАМ СЁДНИ ТУТ НЕ ОБЕДАТЬ»

А там тогда взяли офицера немецкого, в плен-то. И своёго ещё одного взяли – предатель какой-то был в этой, в дивизии. Попросился добровольно в разведку, а когда наша разведка стала отходить, он остался в воронке. И уж вот мы, группа прикрытия, его захватили. <...> Он наш старший лейтенант, а у него полевая сумка. А потом его взяли да вот там разоблачили. У него полны все планы были нашей дивизии. А куда его потом девали-то, мы не знаем.

[– А ещё были случаи предательства? Кто-нибудь на другую сторону перебежал? – Собир.]

А как же! Вот когда я только прибыл в часть, в роту-то, у нас был... Со мной прибыл отседа, с Читы, по национальности татарин, Зенков фамилия. Вот я его помню. Такой небольшого роста тоже, как я. И вот первого дня там это: снайпера были там, наблюдатели, а рота-то немножко в тылу была. В перелеске жили, там кухня была, расположение роты было. А на самой передовой только одни наблюдатели были. Ну там старшина назначил старого бойца: дескать, новеньких кого-нить. Он:

– Я пойду, – этот Зенков grit, – я пойду туда продукты унести на обед.

Ну пошёл. Там, очевидно, у них, у снайперов, бинокли, оптика. Он разглядел всю эту... – немецко там расположение, ночью-то только мы туды выдвинулись, на передовую-то, утром – хватать! – его, Зенкова нашего, нету. А он перешёл туда сразу с первого дня. Мы тут всё в полон взяли, всё обыскали. <...> Думали, где убитый в кустах, ничего нету. Ну пришли в расположение-то, командир взвода доложил командиру роты, что вот такая штука: человек потерялся. Командир роты сразу сообразил:

– Если он предатель, ушёл туда, то нам сидни тут не обедать на этом месте, нас накроют. – Он же знал, когда мы обедаем, в какое время, час дня.

[– И расположение знал. – Собир.]

А он это расположение-то – как же! Он действительно это дело там растолковал, как в час дня... А мы в это время – командир роты всю роту отвёл в лес, дальше – мы там спаслись. Как только час – тут арналёт, <...> все наши землянки, всё перекопали. Один тут повар оставался, кухню разбили – повар-то в землю по шею залез там в окопчик. Ну, правда, его ранило в ногу. Но ещё живой остался.

Это уже вот первое такое ЧП было.

«ТАКИХ ПОНТАЧЕЙ УБИЛИ!»

Один раз такой был случай вот. У меня напарник был, Кварталов. Хороший парень, оттуда, местный, смоленский. Он кадровый. Молодой парень был и тоже такой способный, стрелял хорошо. А уж это мой первый ученик был. Вот мы с ним ждали: немецкий обход был, так какое-то начальство ихне шло по траншее. Всё это выглядывали, выглядывали. Вот мы сначала одного – с большой фуражкой, с кокардой такой вот – шукнули. А командир батальона наш наблюдал это дело, за этой, за немецкой свитой. И наблюдал, как мы стреляем. У него наблюдательный пункт, у командира батальона, он всё делал. Потом оне там, немцы, забегали, забегали. Никак больше не поймашь. Нет-нет, там только мелькнёт. Потом приуспокоились. <...> А второй... – туды прошли оне, там эта оборона-то загнулась, оне нам оказались так это, сбоку. И один немец-то вылез прямо весь. Тоже с большой фуражкой, начальник какой-то ихний. Этот вот напарник тоже вытаскивает, так это: «Готовый!»

Ну мы это утречком закончили, пошли на завтрак со своим напарником. И командир батальона к нам навстречу. Мы ему докладываем, а он говорит: «Видал. Молодцы, ребята. [Смеётся. – Собир.] Таких понтачей убили!»

«ПО ТРИ ЧЕЛОВЕКА ЗА ОДИН РАЗ»

Вот ещё были такие случаи. Один раз я стоял. <...> Немцы расчищали траншею, снег. А дело-то вечером – вот один вышел туда только, потом второй за ём. Я сзади его хлесь! Он сразу упал. А этот, впереди-то, оглянулся – того... А там ещё есть, с траншеи ещё третий. Потом я как стукну. Тут вот в трёх. Командир роты тоже наблюдал. Вот так вот.

А тут в одном месте стоял я так же. И командир роты шёл по траншее – проверку делал.

– Ну, – говорит, – Ворсин, кончай, темнётся уже.

Я говорю:

– Нет, сейчас обождите минуточку, помогите мне. Сейчас, – говорю, – вылезут. Они же по дрова пойдут сейчас, немцы-то.

– Верно.

Потом вышли два человека, ушли. Я их не стал стрелять-то. Оне оттуда потом бревёшко тащат, дров-то целиком. А в снайперску винтовку хорошо... Хотя это сумерки, а расстояние-то небольшое, там триста метров, может, будет. Ну вот тоже – заднего-то как выстрелил, тот упал. А это потом бревно-то упало, он оглянулся, на его глядит. Я и этого, и этот... А там сзади-то ещё, из траншеи-то: думат, чё такое, долго нету. Ещё один вылез – того тоже...

И тут вот два случая таких было – по три сразу, по три человека за один раз. Так вот.

«УДОВЛЕТВОРИЛИ ПРОСЬБУ»

Немцы тоже вот такие были... Вот мы с Кварталовым, со своим напарником, когда наблюдали, и увидели. У них пулемётна точка немецка была, она днём закрывалась. Они днём не стреляли, ночью только. А тут, очевидно, часовой там стоял. И вот он нам одну руку – откроет заслоночку – руку нам показывал. Мы сколько раз наблюдали, расстояние там не так большое, метров четыреста, наверное. Он выпрашивал, чтобы его ранили. Мы так это догадались. Ну чё это? Раза два-три подержит это так, пошевелит руку-то (в эту амбразурку), опять уберёт. Маленько погодя опять это.

– Ну чё же, – говорю своему напарнику, – ты наблюдай, а я сейчас просьбу удовлетворю.

Ну выстрелил, как раз ему должно руку пробить. Всё – убрал, закрыл, ушёл. Удовлетворили просьбу. Ранили в руку, значит, он ушёл.

«СВОЮ ШКУРУ СПАС»

Ну вот я ещё забыл вам рассказать такие случаи-то. Вот у нас ещё в 1944 году был один предатель. Это бывший полицейский. В Белоруссии там, когда их мобилизовали, Белоруссию когда освобождали. И вот среди их попался один полицейский, предатель. <...> Ну это Особый отдел, как-то его пропустили, никто про его не сказал, и эти односельчане его не выдали. <...> И вот в одно время в 1944 году, это в феврале месяце, он бежал. К немцам.

Потом, когда он бежал, эти его односельчане рассказали, кто он такой, потом только выяснилось, что он был в полиции. Он же чувствовал за собой, что его это дело разоблачат так или иначе, и он подался к немцам. Тут уже явная была... Все преимущества на нашей стороне, а он всё-таки бежал. Свою шкуру спас, вот.

«НАДУМАЛИ БЕЖАТЬ К НЕМЦАМ»

Ну тут летом, в сентябре, наверное, месяце <...> дали мне одного напарника – стоять в секрете. Вы, конечно, не знаете, что такое секрет. Военный это дело знает, вот не расскажешь. В секрете <...> – сам по себе: уходишь от передовой на нейтральное поле... Ну вот, со мной парень такой это, по национальности татарин. Худобердин фамилия-то, вот. Я его помню. Здоровый такой это. Ну, придём когда туды, окопчики себе каждый вырыли. Он как приходит – спать.

А там, вишь, какой порядок был-то. Вот если у нас здесь с Забайкалья люди, с Сибири, тебе дадут какого-нибудь обязательно напарника – нацмена. Это такой порядок был, везде предупреждали. И вот тебе дадут, и ты за ём уже смотреть – чтобы он не убежал. И вот действительно, чё-то с неделю мы с ём побывали, тут походили, потом отошли <...>, прекратили тут ходить-то. И он ушёл. К немцам ушёл опять. Вот тебе на! Потом я догадался, что вот с ём сиди, да он тебя заколет, сам уйдёт!

[– Как он вёл себя, пока с вами был? – Собир.]

Ничё не выдавал. А чё? Придёт да спит, вот и всё.

[– И вы даже не подумали, что он может перейти? – Собир.]

А откуда кто думал, никто не думал. Ведь там начальство, там Особый отдел всё проверяет: кто откуда. И ничё никто не подумал про это дело-то. И вот он ушёл. К немцам.

Потом вот ишо до 7 ноября примерно <...> дожили мы в этой обо-

роне-то – сразу трое ушло. Два брата были Хомутовы. Оне были в 1930 году раскулачены и жители были с Майкопа. Их оттуда, когда раскулачили, выселили в Казахстан. Перед войной. И на войну их взяли с Казахстана. Так это, вроде люди-то... – колхозники. Правда, они грамотны, всё. Имя командование доверяли. Оне всё вместе, вместе всё – два брата. Никто про это не думал. А там, когда Майкоп-то немцы взяли, их территорию-то, родную родину-то, они и надумали бежать тоже к немцам. Вот ты чё?.. Да перед праздником-то ещё одного прихватили – Диванов какой-то фамилия, был молодой парень. Того я даже не знаю, откуда он чё это был, близко с ём не общался. <...> И они бежали все втроём. Но не знаю, добрались они туда, до немцев-то, или нет. Их скоро хватились, стали стрелять. Миномёты били, пулемёт, с винтовок стреляли. А оттуда немцы ответ дают. Так вот их слышали, оне кричали там уже, около немцев: «Братцы, спасайте!» А семьи-то потом ихни выселили. Когда оттуда там были их земляки: «Пришли, приехали, дескать, из НКВД, семьи забрали и выселили». А такой порядок был тогда: кто если предатель, семья лишается, всё.

[– Они тоже себя никак не выдавали? – Соби́р.]

Никто! Главное, они такие активные и работали хорошо, всё это честь по чести. Но вот надумали. <...> Когда Майкоп немцы взяли, и они подались.

«Я ПРЕПОДАВАЛ, НАВЕРНО, ДНЕЙ ДВАДЦАТЬ»

Собрали роту снайперскую. Ну там кто? Преподавать-то нету. Офицеров – ну каки есть они там, а со снайперским делом не знакомы. Вот я там пока – до прибытия этих специалистов – я преподавал, наверно, дней двадцать. Ну ещё эту оптику. <...> Я уж помкомвзвода вроде числился. Вот это... учил. По взвода́м ходил, там три взвода было́. Ходил в тот, другой, третий. Так вот преподавал – материальную часть винтовки, оптики... Ну потом нас расформировали, кажный по своей роте. Тут ещё прибыли девушки с тыла. Снайперы. Но оне школу окончили снайперску. Одиннадцать месяцев учились оне, девушки, добровольцы-комсомолки. Ну вот их сводили один раз на передовую, а потом пошло общее наступление. У меня к этому общему наступлению-то вот тут уж 84 было́.

«ВСЕГО-ТО В ОБЩЕМ – 116 У МЕНЯ»

А в 1943 году-то, в марте месяце, большое наступление было́, немцы отходили, отходили. А потом меня ранило в голову. Здесь вот. Здесь у меня шрам. [Показывает. – Соби́р.] Это третье ранение было́. Вот тут

я из госпиталя попал в другую часть уже совсем, в 334-ю стрелковую дивизию. Там полк-то был 11/54. Вот тут попал опять в роту автоматчиков, до сентября месяца пробыл в роте автоматчиков. А рота автоматчиков – это был резерв. Резервная рота командира полка. Только командира. Вот в трудный момент – тут потом эту роту только давали.

Так вот наступали, наступали опять в сентябре месяце, в октябре уж туды... – на немцев. <...> Там нас совсем немного осталось. Ну меня ранило тогда вот в эту ногу. Тут вот прострелил. Я опять в госпиталь. Из госпиталя (там один месяц пробыл, легкораненный-то) опять на фронт. Опять в тую же дивизию, только в полк-то другой уже. Вот мне потом, в 1943 году, дали снайперскую винтовку. А до этой снайперской винтовки <...> у меня 32 уже было вот – счёт. Ихний счёт это. <...> Вы читали, может быть, в справке написано: 116. Но это уже обще там. Командир роты менялся, другой вступал. Этот давал справку, что вот такой-то боец столько-то уничтожил. <...> Но всего-то в общем – 116 у меня: 84 – в этой дивизии, и вот 32 – в 42-й дивизии было.

«ОСТАЛОСЬ НАС ВСЕГО ИЗ РОТЫ ОДИННАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК»

В эту войну много было героических дел.

И это когда был вот в 42-й дивизии в 455-м полку... При наступлении в 1943 году-то, я вам не рассказывал, весь наш полк почти погиб. В одном месте через реку Угру мост тут был. <...> Немцы плотину взорвали, в марте месяце пришлось переправляться. Когда переправляться – надо мост сделать. Мост сделали из чего только попало: кадушки таскали, бочки, жерди, слепы, чтобы пробраться на тую сторону. Вот тут был такой случай: когда строили, костры [жгли. – Собир.], там сухой паёк варили каждый себе. В одном месте вот сидело там около костра двенадцать наших бойцов. Это всё из нашей роты, из нашего полка. Около котелки навесили, там это скрытно от немцев-то, а дымок-то был. Немцы стреляли. И вот, скажите, пожалуйста, – попала мина как раз в котелки. И все двенадцать человек лоском – побили сразу вот на одном месте. Вот картина-то... А я вот спасся – в стороне, в другой группе варили.

И вот, когда потом ночью пошли через этот мостик, задание дали – деревню освободить, там немцы. А деревня-то под сопкой, а тут чистая поляна. До деревни-то, когда поднимались от реки, метров пятьсот было чисто поле. Вот тут по неопытности нашего командира роты: он сразу тут, как только поднялся, и «Ура!» – на эти пятьсот метров. Надо было обойти, с той или другой стороны можно было деревню эту. Она небольшая деревушка была, и не так много там немцев было,

можно было взять без всяких. А немцы... Когда «Ура!» пошли – лунная ночь-то была, и они кинжальным огнём всю роту срезали. Девяносто человек было, рота была полная. Осталось нас всего из роты одиннадцать человек живых. Остальных побили, кого ранили. Кто смог уйти... Нас вот потом к мосту собралось одиннадцать человек, живых, здоровых-то. А командир роты со своим взводным-то прямо переполз через эту Угру и в штаб полка пришёл, сказал, что рота вся погибла. А мы чё будем делать? У нас остался из командиров один старший сержант, Никишин был. Ну чё же делать? Задание не выполнили, а надо идти: куда теперь? Пришли в штаб полка-то, а тут наш командир роты. Больше нас никто не спрашивал.

Так вот чё это? наших три человека там остались раненых: наш командир взвода был Васильев (он в том числе), там два пулемётчика. Тяжелораненые были. А немцы-то ночью ходили, кто раненый – они добивали. Добивали. Кто стонет, кто шевелится – добивали. А эти три человека припали. Вот они двое суток пролежали в снегу раненые. Вот потом, когда в наступление пошли, эту деревню освободили, по этому полю тут ходили – подобрали раненых-то своих. Они рассказали нам, что немцы ходили, стрéлили, а мы притаились. Командир взвода был Васильев, старший лейтенант, в том числе.

Потом нашу роту опять пополнили, и опять наступление. Вот там одно местечко было, село Лазенки, станица она, чё ли, там была. Вот на эти Лазенки опять наступали, до тех пор наступали – немцев прогнали, загнали, всё. Дальше прогнали их от этой обороны-то. Нас было человек сорок уж. Среди командиров остался только один командир батальона. Ни младших сержантов, никого не осталось. Из офицеров остался только командир батальона. Не знаю сейчас его фамилию, забыл уже.

«ОНЕ ВЕСЬ ОГОНЬ СОСРЕДОТОЧИЛИ НА НАС»

А тут потом общее наступление пошло – 23 июня 1944 года. Когда пошли в общее наступление, наша рота попала в группу прорыва, как их называли тогда – штурмовые группы. Вот наша рота попала в эту штурмовую группу. И вот, почти все погибли. Нас ещё пять человек осталось при этом штурме: командир роты, его связной, телефонист и я... Нас двое снайперов ещё было, со мной напарник Новиков, белорус, оттуда... Приказ нам пятерым выступать. А немцы-то бьют! Тут ведь никаких: раз наступать значит, наступать. И вот мы остальные... – телефониста сразу ранило, командира роты со связным тоже ранило тяжело:

связного убило, и командир роты тоже это... сразу умер. И меня ранило, вот там в бедро. Я упал, мой напарник остался. Ну а куда больше? Я ему говорю: «Ты меня выноси сейчас». А он в плащ-палатке. А лето, жар. На плащ-палатке меня и вынес. А сам-то свою винтовку, пока меня нёс, где-то выронил, потерял. Он ещё больной был, грыженный, этот парень-то, а тут жарыща... Ну и меня когда занесли в землянку-то, этот парень, Новиков, говорит: «Я пойду за винтовкой». Ушёл за винтовкой и не вернулся – и того убили.

И вот вся наша рота, вся это наша штурмовая группа... А остальные-то роты уже там были, в немецкой траншее. Оне весь огонь сосредоточили на нас, на первых, а потом отступили.

Ну вот меня потом по госпиталям повезли. Рана была большая. Операцию делали. Рана-то у меня на бедре была – вырвало такую вот дыру. А потом, когда операцию сделали, она стала шестнадцать сантиметров длины да восемь ширины. С пересыльного в пересыльный – вот так вот и везли, и везли помаленьку. Потом уж сформировался поезд санитарный в городе Рославле. Вот этот ещё Рославль, мы его в 1943 брали с боем. А обратно пришлось в ём, оттуда в госпиталь. <...> И санитарным поездом нас увезли куда вон... – в Грузию, в город Цхалтубо. Там курорт, городишко районный есть. Хорошее, красивое местечко. Корпуса там курортные.

А рана у меня быстро, у меня <...> тело такое – от ран быстро за-растало. Так полтора месяца я пролежал, наверно, у меня рана закрылась. А надо было лежать-то чё-то много, девяносто с лишним дней. А у меня в сорок пять закрылась. Ну я попросился, меня комиссовали. На комиссию... Потом домой меня выпустили. Вот домой приехал.

«ПРИЕХАЛ СОКОЛИК»

Ну вот, домой приехал, тут посмотрел: тут ой-ё-ё-ё-ёй, плохо живут, одни женщины да ребятишки, старики остались. Хлеба нету, ни сена, никова нету – так это плохо. А я приехал – такой соколик. Ну чем мне заняться-то, думаю. Ну вот и занимался, всё придумывал, чё делать. У меня руки-то здоровы. Нога-то одна была... а друга-то была ещё здорова маленько у меня.

Ну с чего начинать было? Начал сначала своей дочке, она уж во втором классе училась, обуточки сошил ей. Ну всё это честь по чести. Хозяйке сошил обуточки. Потом стали мне это, соседи... А я никогда не шивал, а тут пришлось учиться. Ну шил обуточки, всё это дело – где

шкурки шил, где что, не без помощи своей жены-то. Потом чё? Вот эти стульчики гнул – в сельпо на продажу. Они мне заказывали: ну давай, делай. Я и вот их делал. А это незаменимая штука – коров доить все берут.

Что ещё делать вот? Чем-то же надо заниматься, лежать же не будешь. Гребешки делал. Гребешков не было, ни расчёсок, никово. Вот рога: скотину каку убьют, быков рога – я их распариваю, всё, работаё. А эти торинки-то – хозяйка съездит, на санках мне привезёт, а я гну их всё. [Смеётся. – Собир.] Вот так вот. А потом берёсту гнул, драл всё это дело. Из берёсты такие туески делал!..

Позднее <...> начал столярничать. Посуду делал для населения, для колхозу. В колхозе чё? Там никакой посуды нет, там молоко держать – надо кадушки, надо квашни, всяку штуку. Это всё вот делал и делал. Тут ещё меня избрали в ревизию колхозную – общественная нагрузка тут это такая большая была...